

Русский государь в конце XV века¹

П. Бочек

«Великий князь, пользующийся плодами политического успеха, менял свою идеологическую политику»², — такими словами крупный русский историк Я. С. Лурье давал оценку ситуации, сложившейся на Руси осенью 1480 г. после окончательного избавления от татарского ига. Из бывшего вассала сарайских ханов православный царь становился суверенным великим князем всея Руси в современном политическом и общественном понимании.

С событиями 1480 г. связан целый ряд событий и выступлений, являющихся их ярким отражением. Первоочередное место принадлежит славному «Посланию на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Оно упрощенно воспринимается только как часть постепенного освобождения от татарского ига и как поворотная мета антитатарской риторики³.

Упрощенной и даже вводящей в заблуждение можно назвать оценку письма Рыло, как проблему замены титула «хан» титулом «басилевс». Как отметил Чернявский, Рыло выдвигает московского великого князя на вакантную должность действительного басилевса для того, чтобы воевать против лже-басилевса, татарского хана⁴. Давид Миллер обнаружил осторожность в письме Рыло: «Вассиан сознательно удержался от изображения качеств действительного христианского царя со ссылкой на Ивана из-за опасности, что эти качества могли бы быть ошибочно приписаны к татарскому хану, который также являлся святым (*basieleus*)»⁵.

Тем не менее, письмо Рыло кажется осторожным лишь в ретроспективе по сравнению с характером антитатарской риторики, которая еще только должна была появиться на сцене. В этом отношении можно противопоставить письмо Рыло, с одной стороны, и исторические рассказы о «Стоянии на Угре»

¹ Studie vznikla v rámci řešení projektu 14–36521 G Centrum pro transdisciplinární výzkum kulturních fenoménů ve středoevropských dějinách: obraz, komunikace, jednání.

² Лурье Я. С. Две истории Руси 15-го века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства СПб., 1994. С. 195.

³ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. М., 1982. С. 522–537. По поводу дискуссии о фолктологических проблемах вокруг Послания на Угру и Стояния на Угре, в частности, о «нерешительности» Ивана III, см.: Лурье Я. С. Две истории Руси... С. 168–195.

⁴ Cherniavsky M. Khan or basileus. An aspect of Russian Medieval political theory. *Journal of the History of Ideas*. 20 (1959), s. 459–476.

⁵ Miller D. B. The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii and the Origins of Russian National Consciousness // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1979. Vol. 26. P. 335.

и Ярлык Ахмед-хана, с другой. Исторические рассказы датируются началом XVI в.⁶ Ярлык должен датироваться началом XVII в., согласно Кеenan, который заявил, что он должен быть «исторической балладой в эпистолярной форме», и отнес его к ряду других литературных сочинений на тюркские темы, которые происходили из Посольского приказа того времени⁷. И в том, и другом случае дело касается конструкций, исходивших из евроазиатского понимания русской истории, но не подтвержденных свидетельствами источников.

Намного точнее оценка Вассиана Рыло как последовательного сторонника великокняжеской власти и ее суверенных прав. Интересно также замечание, что владыка был убежденным сторонником народного и государственного единства⁸.

Успешная карьера будущего ростовского владыки с самого начала сопровождалась самыми тесными контактами с митр. Ионой, который в 1458 и 1459 гг. отправлял его на переговоры с «литовскими боярами и воеводами, чтобы твердо стояли за православную веру и церковь» в период, когда в Литве появился митр. Григорий. По тем же причинам направил его и к новгородскому архиеп. Ионе⁹. Таким образом, свои первые дипломатические и политические шаги Рыло сделал в непростой ситуации как сподвижник все еще киевского митрополита всея Руси. Его главным заданием было защищать интересы и позиции Русской православной церкви и ее высшего представителя, которому приходилось сопротивляться давлению светской власти, в данном случае особенно в Литве и Польше. Рыло со своей миссией справился более чем успешно, что подтверждает и его назначение игуменом кремлевского Спасского монастыря в 1466 г. Этот факт говорит о хороших отношениях с великим князем, достаточно напомнить о подъеме Михаила Митяя в 70-е гг. XIV в. Возведение в сан ростовского архиепископа 13-го декабря 1467 г. только подтвердило всеобщее уважение к нему.

Разделение единой русской митрополии на московскую и литовскую, к которому привело рукоположение Григория, и чему не смог воспрепятствовать Рыло (впрочем, в данный момент это бы не удалось сделать никому), стало причиной перемен в позиции именно московского митрополита всея Руси. Митрополит потерял свою позицию представителя «экуменического» или над-

⁶ Лурье Я. С. Новонайденный рассказ «О стоянии на Угре» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 289–293.

⁷ Keenan E. L.: The Jarlyk of Axmed-Xan to Ivan III: a New Reading. International Journal of Slavic Linguistics and Peotics. 1969. Vol. 12. Pp. 44–47. По поводу литературных работ из Посольского приказа XVII в. см.: Каган М. Д. Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218–254; Каган М. Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 247–272; Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225–250.

⁸ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 372.

⁹ Русская историческая библиотека: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 618. № 80, 86, 88.

княжеского, ему пришлось с большей энергией сосредоточиться на укреплении своего положения московского митрополита всея Руси. Нельзя сказать, что он оказался в прямой зависимости от московского великого князя в области внешних связей или был влиятельной и сильной фигурой во внутренних отношениях, потому что был крупным землевладельцем¹⁰. К выгодам и преимуществам митрополита относится то, что он был главой уже действительно русской церкви и партнером великого князя. Подтверждает это, например, и его участие в решении непростых отношений с Новгородом.

Известен конфликт между игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Нифонтом и Вассианом Рыло, возникший как результат перемен, сопровождавших процесс собирания русских земель. Решение спора Иваном в пользу архиепископа было скорее проявлением его желания ограничить влияние удельных князей, как это ясно показало дальнейшее развитие, чем стремление ослабить позицию митрополита. Сложность, даже парадоксальность отношений подтверждает факт, что в то же время Иван выступил и против Вассиана, решившего подчинить себе деревни устюжского кафедрального собора, находившимся под покровительством великого князя.

Вмешательство Ивана, несомненно, должно было лично задеть амбициозного митр. Геронтия, деятеля, карьера которого началась с места архимандрита еще одного значительного монастыря, Симонова, и продолжалась престижным саном епископа коломенского в период с 1451 (1453) по 1473 гг. С 1473 по 1489 гг. с московской митрополичьей кафедры он управлял русской церковью. Перед его глазами прошел период принципиальных успехов Ивана III в форме завершения собирания русских земель, сопровождавшихся первой секуляризацией церковного имущества в русской истории. Он пережил и начало движения жидовствующих, которое скорее пассивно на протяжении длительного времени влияло на отношения между Иваном III и церковными представителями.

Еще один конфликт между великим князем и митрополитом возник во время освящения Успенского кремлевского собора и последующих соборов и касался направления движения крестного хода. Это уже был спор нового типа. Его причина была вызвана стремлениями Ивана III вмешиваться в церковные дела. Можно сказать, что Иван хотел вести себя и действовать как «православный царь», с которым митр. Иона связал существование автокефальной русской церкви. Великий князь дает понять, что с позиции своего положения и ответственности желает принимать участие в решении вопросов, которые до этого входили исключительно в компетенцию церковных представителей. Резкая реакция Геронтия показала, что Иван переоценил свои силы и ему придется внести поправки в свои представления о себе как о «православном царе». Однако Геронтий и вместе с ним другие церковные представители, включая Вассиана Рыло, должны были сознавать, что понадобится обозначить границы положения и роли «православного царя».

Нашествие Ахмата отодвинуло решение спора об освящении соборов.

¹⁰ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике... С. 54.

Но при этом стало ясно, что, «незвизрая на повторяющиеся конфликты в церковных делах, Геронтий усердно служит великому князю в делах гражданских, относящихся ко благу отечества»¹¹. Известным примером такой позиции является способствование примирению Ивана с братьями Андреем и Борисом. Совместное пребывание митрополита и ростовского архиепископа в Москве во время нашествия войск хана Ахмата и стояния на Угре и однозначное содействие обоих церковных иерархов говорят о том, что споры о подчинении Кирилло-Белозерского монастыря и освящении соборов не разделили, а, наоборот, соединили их не только для службы в делах гражданских, но и в необходимости заниматься проблемой «православного царя».

Свою позицию Вассиан выразил в посланиях, адресованных Ивану III. В самом начале своего послания великому князю он так объясняет свои цели: «Еже первѣ дръзнувшу ми усты къ устом глаголати твоему величеству твоего ради спасения. Наше убо, государю великий, еже воспоминати твое, а ваше, еже слушати»¹². То есть дает понять о своей заинтересованности наладить отношения между держателями светской и духовной власти, выражая при этом свой принципиальный взгляд на их роли. Не подменяет духовную власть властью светской, но оговаривает право напоминать великому князю его обязанности, соблюдение которых обеспечит ему спасение души.

«Тебѣ же, государю нашему, повинувшеся молению и доброй думѣ и обещавшуся крѣпко стояти за благочестивую нашу православную вѣру и оборонити свое отчѣство от бесерменьства, духъ еже лстивых, шепчюще во ухо твоей державѣ, еже предати христьянство, никакo же послушавшу, обещавшу ти ся»¹³. Рыло нисколько не сомневается: великий князь должен защищать православную веру и свое отечество от бусурман, но при этом должен остерегаться плохих советчиков. Оговорку архиепископа относительно лстивых советчиков нельзя считать вымыслом, он находился в самом центре событий и, несомненно, был очень хорошо информирован. Не стремится Ивану облегчить ситуацию, недвусмысленно напоминает ему о его ответственности.

Юстиниановскую модель отношений между светской и духовной властью в духе известной 6-й новеллы напоминает следующая констатация Рыло: «Ты же убо, государю, духовный сыну, не яко наимник, но яко истинный пастьрь, подшиси избавити врученное тебѣ от Бога словесное ти стадо духовных овецъ от грядущаго волка. А Господь Богъ укрепить тя и поможет ти, и все твое христолюбивое воинство». Симфонию дополняет четкая задача духовных: «святителем, митрополиту, вкупе же и нам, богомолцем вашего благородия, со всѣми боголюбивыми съборы молитву непрестанно сътворяющим, по всѣм святым церквам всегда молебены и святую службу во всей нашей отчинѣ о вашей побѣдѣ съвершающим, и всѣм христианом непрестанно Бога молящим, дабы даровал тебѣ побѣду над супротивныи ти врагы, иже и надѣмся улучити

¹¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 46.

¹² ПЛДР: Вторая половина XV века. С. 522.

¹³ Там же. С. 522.

от всемилостиваго Бога»¹⁴. В духе византийских канонических представлений Рыло создает картину, о содержании которой должны позаботиться великий князь и русское духовенство. Главным условием этого является то, что великий князь будет сознавать свою ответственность.

Теоретически-канонические рамки, выходящие из византийской традиции, дополняет конкретное предупреждение, которое должно привести Ивана к требуемому способу размышления: «Убойся же и ты, о пастырю, не от твоих ли рук тѣх кровь възыщет Богъ, по пророческому словеси? И гдѣ убо хощеши избѣжати или воцаритися, погубив врученное ти от Бога стадо?»¹⁵. Иван не может позволить себе совершить ошибку, так как этим может поставить под угрозу вверенный ему народ, да и себя тоже. Править может только тем народом, который ему был вверен Богом, поэтому деваться ему некуда.

Общие аргументы Вассиан подкрепляет конкретными историческими фактами: «И поревнуй преже бывшим прародителем твоим, великим князем, не точию обороняху Русскую землю от поганых, но и иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царих дань имали, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бися съ окаанными половци за Русскую землю, и иinei мнози, иже паче нас вѣси»¹⁶. Иван должен брать пример со своих предшественников Игоря, Святослава, Владимира и Владимира Мономаха. При этом Византийская империя для него не является ни образцом для подражания, ни отрицательным примером, а доказательством русской силы. Среди предков Ивана имеются такие личности, которые сумели справиться со многими врагами и действительных царей принудили платить налоги. От Ивана зависит, сможет ли вести себя, как они. Желает ли считать себя их действительным преемником и наследником и в соответствии с этим представлением предъявлять требования. Если так, то должен так же, как они, защищать свою землю от врагов. Только так у него есть шанс стать действительным русским правителем. В своей аргументации, не колеблясь, использует пример даже языческих великих князей, присоединяясь таким образом к идейному течению, которое русское настоящее возводит только на русском фундаменте.

Дмитрия Ивановича Вассиан воспеваает как ответственного и мужественного правителя. Интересно и часто цитируемое предложение в части, посвященной именно Дмитрию: «Не усумнѣся, ни убояся татарьскаго множества, не обратися въспясть, и не рече въ сердци своем: «Жену имѣю, и дѣти, и богатество многое; аще и землю мою возмут, то инде вселюся»¹⁷, — снова напоминая Ивану, что бежать ему некуда. Несомненно, это реакция на распространяющуюся информация о возможных планах Ивана. Действительный православный царь может править только в стране, в которую его поставил Дух святой и за которую несет ответственность. Он может даже погибнуть в сражении за ее свободу, но не может оставить ее и сбежать. «Тѣм же и всемилостивый Богъ дерзости его ради

¹⁴ Там же. С. 524.

¹⁵ Там же. С. 526.

¹⁶ Там же. С. 528.

¹⁷ Там же. С. 528.

не покоснѣ, ни умедли, ни помяну перваго его съгрѣшения, но въскорѣ посла свою помощь, аггелы и святаыя мученикы, помогати ему на супротивныа. Тѣм же Господа ради подвизавыйся и донынѣ похваляемъ есть и славимъ, не токмо от чловѣкъ, но и от Бога». Красноречиво объяснение Вассиана успеха Дмитрия на Куликовом поле: великий князь сознавал свою ответственность, надеялся на Бога и проявил отвагу и мужество. У Ивана нет другой возможности, как «и тако же потщися избавити стадо Христово от мысленаго волка, и Господь Богъ, видѣвъ твое дерзновение, такожде поможет ти и покорит врагы твоя под нозѣ твои. И здрав и ничим же врежен побѣдоносець явишися Богу съхраняющу ты, и осѣнит Господь над главою твоею въ день брани».

«Аще ли убо ты, о крѣпкый, храбрый царю, и еже о тебѣ христолюбивое воинство до крове и до смерти постражут за православную христову вѣру и за Божиа церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породися духовною и нетлѣнна банею, святым крещениемъ, якоже мученици своею кровию, блажени бо и преблажени будут в вѣчномъ наслѣдїи, улучивше сие крещение, по немже не възмогут согрѣшити, но воспримут от Вседержителя Бога вѣнца нетлѣнны и радость неизреченную, ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце чловѣку не взиде.» Мысль о мученической смерти за православную веру — один из основных мотивов послания Вассиана. Но это не просто символика и типичный пафос. Архиепископ напоминает Ивану, что заботу о вере надо проявлять не только «теоретически» и спорить с митрополитом об освящении соборов, но встать на ее защиту ясно и открыто и, не колеблясь, отдать свою жизнь и жизнь других воинов. Только такими действиями он подтвердит, что в действительности является «православным царем». Окончательно формирует идейное изображение «православного царя», однозначно произрастающего из русских корней. Поясняет Ивану, православному царю, как должно выглядеть настоящее попечение о православной вере.

«Аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко: «Под клятвою есмь от прародителей, — еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати», послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прощати о таковых и разрѣшати нам повелѣно есть, иже прощаем, и разрѣшаем, и благословляем, яко же святѣйший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, — не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца»¹⁸. Вопрос действия или прекращения действия присяги верности не был всего лишь «чистой игрой разума», как иногда трактуется¹⁹. Архиепископ освобождает Ивана от опасений, что может повлечь нарушение многолетней традиции подчинения присяге послушания, приносившейся сарайским ханам его предшественниками на великокняжеском троне. Не напоминает ему о том, что он сам ярлык никогда не просил и тем самым способствовал обострению отношений с Ахматом. Однако напоминает ему о том, что церковные представители способны эффективно поддержать и, в отличие от плохих советников, желают помочь ему справиться с ответ-

¹⁸ Там же. С. 530.

¹⁹ *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 121.

ственностью «православного царя». Прошлое для Ивана может служить только лишь источником вдохновения и примера, но ни в коем случае не балластом.

С исторической и политической точек зрения большое значение имело и следующее предупреждение: «...на всю землю нашу окаанного Батыя, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска»²⁰. Вассиан однозначно называет Батыя насильником, незаконно поработившим Русь, поэтому вполне законно оказать сопротивление его преемнику и избавиться от его господства. То есть влиятельный архиепископ не считает обоснованными опасения Ивана, а воцарение Батыя считает причиной разгневать Господа. «Но точию нашего ради согрѣшения и неисpravления к Богу, паче же отчаания, и еже не уповати на Бога»²¹. Оговорка «не уповати на Бога» касалась скорее современности. Вассиан воспользовался случаем, чтобы напомнить Ивану: он, как «православный царь», должен надеяться на Бога и не поддаваться «отчаанию». Кроме того, призывает великого князя: «И сотвориши суд и правду посреде̄ земля». «Любов же имѣти ко ближним и не насилovati никому же, и милость показати к согрѣшающим, да милостива Господа обрящещи в день зол»²². Иван получает серьезный совет, как в будущем избежать Божьего гнева. Суд и правда — категории, часто объявляющиеся в русском общественном мышлении и являющиеся синонимом справедливого правления, с опорой на веру в Бога, последовательное соблюдение всех правил и заповедей. Иван, православный царь, должен заботиться о всей своей стране, не должен размышлять как «частное лицо», чтобы выстоять «в день зол».

Продуманность и концептуальность подхода Вассиана подтверждают и другие части послания, в которых он говорит о потребности или, скорее, необходимости в покаянии и его форме: «Сицевому поревнуй покаанию, истинное бо покаяние — престати от грѣха. Аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их поработит». Еще решительней звучит его обращение в момент, когда упоминает русский народ как новый Израиль и государеву ответственность за него: «Нынѣ же той же Господь, аще покаемся вседушевно престати от грѣха, и возставит нам Господь тебе, государя нашего, яко же дрѣвле Моисиа и Исуса и иных, свободивших Израиля. Тебе же подасть нам Господь свободителя новому Израилю, христоименитым людям, от сего окааннаго, хвалящагося на ны, новаго фараона, поганана Ахмата. Но его велерѣчие покорит Господь под нозѣ твои и послет ти способники, аггелы своя и святыя мученики, и смятут ихъ, и погибнут»²³. Покаяние, которое в размышлениях Вассиана о государе

²⁰ Там же. С. 532.

²¹ Там же. С. 530.

²² Там же. С. 532.

²³ Там же. С. 534.

и его правлении означало понимание роли «православного царя», было обязательным условием того, чтобы «се твердое, и честное, и крѣпкое царство дасть Господь Богъ в руцѣ твои, Богом утверженный государю, и сыновомъ сыновъ твоих в род и род в вѣки»²⁴. Кающийся и сознающий свою ответственность государь для Вассиана является идеалом, то есть настоящим «православным царем». Приравнивание к новому Израилю в русском общественном мышлении в конце XV в. было делом обычным, свидетельствующим, кроме прочего, об актуальности темы, которой занимался ростовский архиепископ, и о том, что новое русское государство начинает, говоря символически, искать свой облик.

В своих размышлениях не забывает и о роли церковных представителей, но и здесь с полной определенностью высказывает свое мнение о роли носителей светской и духовной власти: «Тѣм же убо от чистыа вѣры, молитвою к Богу день и ночь, въ молитвах и молбах, литиами и соборы святительскими, и божественными возношенми вашими, потребную и лѣпую память о благочестивѣй вашей державѣ и царския вашае побѣды исповѣдаем во святыхъ тайнах, яко да покорени будут врази ваши под ногами вашими и да одолѣете среди ратных»²⁵. Духовник Ивана предупреждает своего духовного сына, что участвует в его державѣ исключительно молитвами, богослужениями и духовным управлением, в чем он видит свою миссию. Он дает понять, что полностью справится с задачей, выдвигаемой духовными традициями и современными условиями. Логично, что такого же подхода ожидает и от носителей светской власти.

В заключение послания Вассиан обнаруживает себя как настоящий духовник и высокий церковный представитель. Предложением «Молю же и о сем царское твое остроумие, и Богом данную ти премудрость, да не позариши моему художеству»²⁶ показывает убеждение в своей правде и обоснованности довольно острой критики в адрес Ивана и его поведения. Вассиан проявил себя как ответственный, конструктивный деятель, который, не колеблясь, выступает с острой критикой, несмотря ни на какие риски.

Очень красноречиво заключение послания Вассиана: «Съ сими же всѣми да будет милость великаго Бога Господа нашего Исус Христа, пречистыа его матере и всѣх святыхъ и великих чудотворецъ земли нашае, пресвященных митрополит русских Петра, Алексѣя и Ионы, и Леонтия, епископа ростовскаго, чудотворца, Исаиа и Игнатиа и преподобных и богоносных отецъ наших Сергиа, Варлаама и Кирила и прочих, и нашего смирения благословение на тебѣ, нашем государи, и на твоём сыну, и на твоём государствѣ, и на твоей братии, на ваших князех, и боярех, и воеводах, и на всем вашем христолюбивом воинствѣ»²⁷. Ударение, делаемое на ходатайство самых значительных личностей русской церкви, снова его великокняжескому адресату должно напомнить о его корнях и из этого следующей ответственности. Одновременно напоминает о людях, которые сумели воспротивиться представителям светской власти

²⁴ Там же. С. 534.

²⁵ Там же. С. 534.

²⁶ Там же. С. 536.

²⁷ Там же. С. 536.

и строили сильную русскую церковь — партнера носителей светской власти.

Вассиан в своем послании касается довольно чувствительной стороны — ответственности представителей светской и духовной власти перед государством, его населением и православной верой. Делает это в обострившейся ситуации и в весьма уместной форме, особенно если учитывать поведение Ивана.

Великий князь повел себя совсем не так, как ожидали церковные иерархи во главе с митр. Геронтием. Из послания на Угру митрополита можно понять, что Иван не мстил за конфликты, имевшие место в конце 70-х гг. Государь понял, что пришла пора искать надлежащую форму правления. Сознают это и Иосиф Волоколамский, митр. Зосима, архиеп. Геннадий. Письмо Вассиана и Геронтия говорит об актуальности этого вопроса и его остроте. Подтверждают этот факт и события, связанные с жидовствующими, и споры о собственности монастырей.

В связи с этим можно напомнить, что Вассиан был абсолютно лояльным в отношении великого князя, и ему нельзя приписывать отрицательную позицию. Я. С. Лурье говорит о том, что следует отказаться от тезиса, что все летописные рассказы возникли под влиянием послания Вассиана²⁸. Говорит о ценности послания для современников, которое не было всего лишь «соружением» умного и влиятельного архиепископа, а отражало современные взгляды и отношения к великому князю. Доказательством принципиального значения является «Послание иконописцу» Иосифа Волоколамского, возникшее практически в то же время.

Вассиан со своим посланием проявил себя как священнослужитель, которого Иосиф Волоколамский в «Просветителе» приравнивает к пророку Даниилу, и который не боится критиковать государя и понести вполне возможное наказание за это. Главным мотивом, которым пронизано послание, так же, как у монаха Акиндина, является способность брать на себя ответственность. Тогда как Михаил Ярославич был обязан извещать, у Ивана III имеет место обязанность принимать решения, потому что, в отличие от своего давнего предшественника, является уже «православным царем». Поэтому ему приходится решать вопрос, как себя должен вести такой «православный царь».

Личный опыт Вассиана заставил его напомнить Ивану, что в роли «православного царя» ему придется вести себя последовательно, то есть не только в спорах об освящении соборов и думах, как избавиться от Геронтия. Ему нельзя быть царем «разборчивым».

Вассиан так же, как Иосиф Волоколамский, завершает процесс, который формировали Алексей, Сергей и Киприан и их последователи, начавшие подготовку условий для «рождения» русского «православного царя». Однако эти церковные иерархи уже работали над формированием действительно русской православной церкви — сильного соратника, способного противостоять давлению возрастающей государственной власти. Жалоба Киприана на поведение Василия I, отправленная в Царьград, является этому примером. Киприан, наученный событиями 70-х и 80-х годов XIV в., не желает автоматически поддерживать великого князя, не ставя при этом под угрозу свое положение

²⁸ Лурье Я. С. Две истории Руси... С. 190.

и положение всей церкви. Судьба Герасима — крайний пример судьбы русского митрополита, слишком зависимого от носителя светской власти.

События, связанные с флорентийской унией и митрополитом Исидором, показывают, что представители уже по-настоящему русской церкви умеют быть партнерами главы государства, а сами церковные иерархи могли отметить: «у нас есть православный царь». Русские монахи, верные заповедям своих учителей — Сергия, Федора, Афанасия, Кирилла и других — справятся со своей исторической задачей. Смогут стать сподвижниками Василия Васильевича и смогут применить основные принципы византийской модели отношений между светской и духовной властью в русской среде. В сложной обстановке 40-х годов для Ионы очень хорошей опорой были монастыри и их служители, а это большая разница, если сравнить с 90-ми годами XIV в. и ситуацией Киприана. Против воли цареградского патриарха могли позволить себе заявить: «у нас есть православный царь», потому что сознавали свою силу, потому что отдавали себе отчет, что великий князь в них нуждается, чтобы справиться с Исидором. Совместное решение проблемы «Исидор» является примером применения византийской модели отношений между светской и духовной властью, можно сказать, между императором и папой, в лучшем смысле слова, в русской среде. Но это создавало следующую серьезную проблему — создание отношений между светской и духовной властью в новых условиях, когда митрополиту приходилось надеяться только на свою силу, то есть силу русской церкви.

Амбициозный Иван III, бесспорно, хотел быть настоящим «православным царем», его вмешательства в церковные дела, в избрание и рукоположение митрополитов, конфликты с Геронтием, секуляризация в Новгороде, отношение к жидовствующим — все это можно назвать ясным тому доказательством. Только благодаря давлению князя, несмотря на разницу во взглядах и другие проблемы, между Вассианом и Геронтием не возникло конфликта, в отличие от Симеона и Серапиона в начале XVI в. Заставил их определенно высказаться по вопросу, каким должен быть «русский православный царь», и публично ясно и четко дать ответ на него. Они стали сподвижниками Ивана, сумели справиться со своими обязанностями духовника и митрополита.

Вассиан в своем послании подтвердил, что воспринимает Ивана однозначно как «православного царя», но не допустит, чтобы последний злоупотреблял своим положением. Не скрывает своего желания помогать ему разными способами в сложной ситуации, но ясно определяет свои условия. Связывает судьбу Руси с «православным царем», который сознает свою ответственность и ведет себя соответственно и согласно советам и рекомендациям, получаемым от своих церковных партнеров.